УДК [94(47).083:321.61]«1914/1918»

МОНАРХИЗМ В СОЗНАНИИ РУССКОГО КОМБАТАНТА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Холодов В.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, Российская Федерация, г. Орел

E-mail: vohol1@rambler.ru

Статья посвящена анализу восприятия монархии непосредственными участниками первой мировой войны – русскими комбатантами. Статья обращает внимание на кризисные явления монархизма в России на рубеже XIX–XX вв., выявляя при этом основные факторы, дискредитирующие Николая II и царскую семью в сознании комбатантов. Первая мировая война рассматривается в статье как главный фактор падения авторитета монархии в России.

Ключевые слова: первая мировая война, комбатант, сознание, кризис, монархизм.

Геополитические вызовы России современного времени, обусловленные возрастанием вооруженной напряженности в непосредственной близости от ее границ, настоятельно предопределяют актуализацию обращения к историческому прошлому, в котором, к сожалению, вооруженные конфликты играли значительную роль. Кроме того, современные авторы настаивают на том, что особое геополитическое положение России во многом определяло ее внешнеполитические интересы и влияло на выстраивание отношений с другими державами[1].

Одним из крупномасштабных вооруженных конфликтов, в котором когда-либо участвовала Россия и повлиявшим на судьбу не только Российской империи, но и на расстановку сил на мировой арене в целом, по праву считается первая мировая война. Однако «устойчивое внимание к социально-антропологической проблематике»[2] актуализирует значимость выявления влияния первой мировой войны не только на внешнеполитические факторы, но и на внутренние, глубинные ментальные установки многомиллионной крестьянской массы, ставшей под ружье[3].

Безусловно, первая мировая война стала «суровым экзаменом»[4] для всех слоев населения, политических сил и самой российской государственности в целом. Она повлияла на изменение отношения к государственной власти главных ее участников – комбатантов, вчерашних крестьян. В этой связи данный постулат наряду с внутренней логикой представленного в статье материала настоятельно требуют вступления в «полемику» с Г.В.Ф. Гегелем, который утверждал, что «высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей сохраняется нравственное здоровье народа, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно

случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»[5].

Первая мировая война явилась тем событием, которое в корне изменило нравственное здоровье русского народа, зиждившееся на мировоззренческой идее «сплочения огромных и малочисленных территорий Руси перед лицом внешней экспансии»[6]. Прежде всего глубочайшему изменению и трансформации подверглось отношение вчерашних крестьян-солдат к монархии как форме правления и персонификации государственной власти.

Российская государственность на рубеже XIX–XX вв. «демонстрировала» нестабильную внутриполитическую ситуацию, выражавшуюся в первую очередь в кризисе формы правления – монархии, что подтверждается уже самими современниками. Так, например, в своих воспоминаниях А.П. Извольский характеризует сложившуюся на рубеже XIX–XX вв. ситуацию в России: «В эту историческую эпоху Россия переживала величайший внутренний кризис»[7]. Волею судьбы именно в этот непростой для России исторический период во главе Российской империи оказался Николай II, которому выпала историческая участь стать последним царем на российском престоле из династии Романовых. Во многом выбор путей и механизмов развития страны в данный исторический период зависел от личностных особенностей Николая II, оказавшегося, по образному выражению П.А. Столыпина, в историческом контексте необходимости «…поддержания одного исторического высшего права России – быть сильной»[8].

Главным событием, завершившим кризис монархии в России и положившим конец всей династии Романовых, стала первая мировая война, обнажившая все слабые стороны российской государственности в целом. По мнению И.А. Ильина, «грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к трону»[9]. Сам Николай II прекрасно понимал значение первой мировой войны для положения России как монархического государства. Пьер Жильяр прямо указывает на это в своих воспоминаниях: «Вчера в Зимнем дворце царь принес торжественную клятву (2 августа 1914 г. – Примеч. Холодов В.А.) не заключать мир, пока хоть один вражеский солдат будет оставаться на русской земле. Принеся эту клятву перед всем миром, Николай II подчеркнул характер этой войны. Это война до конца, на карту поставлено само существование России»[10]. В данном случае слова Николая II оказались пророческими, причем император в начале войны даже не мог и предположить, насколько верным окажется его прогноз.

Первая мировая война, явившись следствием общего кризиса европейской цивилизации, вызвала трансформацию ценностных установок, мировоззренческих стереотипов и моделей поведения огромных масс людей. Как отмечает О.С. Поршнева, без понимания «… механизма, направленности и содержания психоментальных сдвигов, произошедших в сознании и психологии массовых общественных слоев, нельзя понять ни эволюции социально-политических режимов, ни природы революционных потрясений в странах – участницах мирового конфликта»[11]. Кроме того, война оказала негативное, разрушительное воздействие на человеческую психику, а также моральные установки и общественные идеалы. При этом масштабы страданий и гибели людей во время первой мировой войны были беспрецедентными[12].

В связи с этим анализ мировоззренческой трансформации в отношении восприятия монархии русским комбатантом в условиях первой мировой войны позволяет лучше понять послереволюционные коллизии российской истории. Кроме того, по мнению В.П. Булдакова, «понимание природы солдатского бунтарства связано с осмыслением психологии превращения «человека земли» (а армия в результате мобилизаций состояла в основном из крестьян) в «человека с ружьем» (т.е. вооруженного маргинала)»[13].

Действительно, во время первой мировой войны миллионы российских крестьян были вынуждены надеть солдатские шинели, и «человек земли» в считанные дни становился «человеком с ружьем». Иногда этот процесс начинался уже с момента отправки

на фронт, когда бывший мужик порывал с привычным укладом жизни. Данную психологическую трансформацию тонко подмечал в своих дневниках М.М. Пришвин. В частности, он описывает отправку на фронт одного из крестьян в начале 1915 года: «На второй день Нового года брали ратников, стон, рев, вой были на улице, женщины качались и падали в снег, пьяные от слез. И вот, как он отстранил их и сел в сани, в этом движении и сказался будущий воин: отстранил и стал тем особенным существом, в какое превращается мужик на позициях»[14].

При обращении к цифрам статистики можно увидеть масштабы вовлечения населения России в военные действия. Установление числа призванных в русскую армию за время первой мировой войны Н.Н. Головин предлагает начать с определения общей численности вооруженных сил страны до объявления мобилизации – 1 423 000 человек[15]. В итоге после проведения многочисленных подсчетов он утверждает, что за всю войну было мобилизовано 15 378 тысяч человек[16]. При этом Н.Н. Головин подчеркивает, что всякое отвлечение рабочих рук для России было более чувствительным, чем для западноевропейских государств, стоящих на высшем по сравнению с Россией культурном уровне. Ссылаясь на сельскохозяйственную перепись 1917 года, он указывает, что в армию было взято 47,4 % трудящихся мужчин, участвующих в производственном процессе, то есть около половины[17]. Перед войной русская армия состояла на 84–88 % из крестьян. При этом в общем крестьянский контингент армии соответствовал структуре населения России, 85 % которого к 1913 году жили в деревне[18]. Во время войны, а особенно после потери русской армией в осени 1915 года значительной части своего кадрового состава, абсолютное преобладание необученных солдат-крестьян, которые приносили на фронт деревенский менталитет, стало очевидным.

На начальном этапе войны в сознании солдат была сильна монархическая идея, а немецкая угроза воспринималась как борьба с игом. Об этом свидетельствуют, например, солдатские письма. В одном из них, в частности, говорится следующее: «Повисла грозовая туча над Великой Русью. Гремел гром, сверкала молния, и вдруг разразился свинцовый ливень. Как один человек заколыхалася и пришла на зов своего царя Великая Русь встать на защиту культуры, человечества и изолирования немецкого ига»[19].

Анализ морально-боевого состояния солдат позволяет сделать вывод, что еще летом 1915 года желание победить врага было достаточно сильно. Об этом свидетельствуют письма из действующей армии. Так, например, в одном из писем с фронта, находящегося в Галиции, фельдшер П.А. Зуев сообщает И.Ф. Шаляпиной следующее: «Действительно наши дела в настоящее время не очень хороши, хвалиться нельзя. Но мы не падаем духом, а надеемся покарать лютого врага, не дадим в позор свою матушку Россию, и вы не думайте, что мы так много отступили, совершенно пустяки и то по необходимости»[20].

Однако в результате затягивания боевых действий и, как мы выяснили, изменения характера войны с вовлечением в нее огромных масс людей на обширных пространствах, а также с применением новых видов оружия, особенно массового поражения, происходила постепенная трансформация сознания солдат-крестьян. По их представлениям воевать длительное время, находясь в разлуке с родными и не участвуя при этом в привычном сельскохозяйственном труде, было попросту глупо. Вчерашний крестьянин не хотел применять к себе военную службу как профессию. Длительная война была для солдат проявлением несправедливости, особенно когда затягивание боевых действий не приводило к конкретным, ощутимым для солдат результатам и было сопряжено, кроме всего прочего, с подрывом здоровья. Подобные настроения ярко иллюстрирует такое солдатское стихотворение:

«Горит свеча в вагоне стоны,
Свернувшись, все солдаты спят,
А поезд так несется лихо,
Лишь только слышно тик-тик-так.
Я, солдатишко изнуренный,
Склонил головушку на грудь
Тоска по родине далекой,
И не могу никак заснуть.
Там дома ждет меня невеста,
Я уж три года прослужил
И потерял здоровье, силу –
Вот только что я заслужил…»[21].

Как известно, Николай II на определенном этапе войны принял на себя функции главнокомандующего, проявив государственную, политическую и личную волю. Однако, судя по реакции современников, данное событие оценивалось неоднозначно в силу уже ярко просматривающейся дискредитации как самого императора, так и царской семьи в целом. Интересна в этом отношении реакция самих солдат, отмеченная А.И. Деникиным в своих воспоминаниях: «Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии, и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна укоренившееся в народе убеждение, что царь несчастлив»[22]. М.К. Лемке высказывал в этой связи такие слухи, проникавшие даже в офицерскую среду: «Народ убежден, что великий князь Николай Николаевич умер, но смерть его скрывают, – умер как мученик за Россию, неугодный царю. Даже офицеры в ведомстве военной цензуры распространяют эту басню»[23].

Однако новый характер войны поставил солдат-крестьян перед лицом утраты основных ценностей, которые они должны были защищать. В совокупности с формированием негативного «образа войны» в сознании солдат происходило разложение армии, элементы которого, например отмеченные выше членовредительство и сдача в плен, стали наблюдаться довольно рано. Безусловно, что на солдат угнетающе действовали слухи о разложении властных верхов, о «распутинщине», «предательстве» В.А. Сухомлинова и прочее. При этом следует отметить, что мыслящая интеллигенция того времени указывала на то, что уже к сентябрю 1915 года в России произошел развал монархии как идеи. Подобные мысли отмечены, в частности, в переписке П.П. Перцова с В.В. Розановым[24].

Особенно сильно дискредитировал себя, да и всю царскую семью, Николай II связью с Григорием Распутиным. Причем эскалация недовольства была вызвана в данном случае затянувшейся войной и сопутствующими ей невзгодами и трудностями военного времени. Даже генералитет воспринял известие о смерти Распутина с некоторым экзальтированным воодушевлением, без всякого сожаления. П. Врангель так описывал реакцию некоторых генералов на данное известие: «Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: «Наконец-то подлеца Гришку ухлопали»»[25].

Следует отметить, что к 1917 году монархизм в мировоззрении солдат и населения в целом практически полностью исчерпал себя. После февральской революции и отречении Николая II от престола, как отмечают исследователи, большинство солдат в нем разочаровались[26]. Наиболее «активные» солдаты топтали символы «проклятого прошлого», хуля режим и царскую семью, рубили шашками герб Российской империи, а в вагонах на ходу вывинчивали портреты царя и царицы и закрывали двуглавых орлов. Общее настроение солдат на фронте после февральских событий выражалось такими солдатскими репликами: «Теперь знаем, за что деремся. Это свое!»[27].

Первая мировая война, таким образом, явилась главным катализатором ускорения кризиса монархизма в сознании русского комбатанта и падения царской династии. Кроме того, война явилась очередной проверкой личностных и государственных качеств Николая II, выразившихся в его безвольном отречение от престола.

---

[1] См.: Рыбачёнок И.С. Внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы истории. – 2014. – №1. – С. 5.

[2] Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. – 2012. – №4. – С. 137.

[3] См., например: Холодов В.А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные и социальные науки. № 3. Часть1. (2010). – Орел, 2010. С. 123–132; Холодов В.А. Первая мировая война в восприятии русских солдат // Среднерусский вестник общественных наук. – №1 (2014). – Орел, 2014. – С. 220–225.

[4] Шайпак Л.А. Политические партии России и армия в годы первой мировой войны // Власть. – 2014. – №4. – С. 143.

[5] Цит. по: Нерсесянц В.С. Гегель. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 62.
[6] Аралова Е.В. Соборность как фактор духовной культуры России // Власть. – 2014. – №7. – С. 133.
[7] Извольский А.П. Воспоминания. – Мн., 2003. – С. 9.
[8] Столыпин П.А. Мысли о России. – М., 2006. – С. 64.
[9] Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1991. – С. 367.
[10] Жильяр П. При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея. – М., 2006. – С. 70.
[11] Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. … доктора исторических наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 101–102.
[12] Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2001. – №11–12. – С. 109.
[13] Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 55.
[14] Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. – СПб., 2007. – С. 135.
[15] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – М., 2001. – С. 72.
[16] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – М., 2001. – С. 78.
[17] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – М., 2001. – С. 83.
[18] Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. – 2003. – №2. – С. 73.
[19] РГАЛИ. Ф. 2304. Оп. 2. Д. 497. Л. 3.
[20] РГАЛИ. Ф. 912. Оп. 4. Д. 1275. Л. 3 об.
[21] РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.
[22] Деникин А.И. Очерки русской смуты: крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – Мн., 2003. – С. 34.
[23] Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. – Мн., 2003. – С. 5.
[24] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп.1. Д. 86. Л. 46–52.
[25] Врангель П. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары. – Мн., 2003. – С. 19.
[26] Чернобаев А.А., Чертищев А.В. Действующая русская армия и власть в 1917 году // Военно-исторический журнал. – 2006. – №7. – С. 46.
[27] РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 215. Л. 54.

Kholodov V.A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Orel, e-mail: vohol1@rambler.ru

MONARCHISM IN CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN COMBATANT OF TIMES OF THE WORLD WAR I

The article is devoted to the analysis of perception of monarchy by direct participants of the World War I – the Russian combatants. The article pays attention to the crisis phenomena of monarchism in Russia at the turn of XIX-XX centuries, revealing the major factors which discredit Nikolai II and the imperial family in consciousness of combatants. The World War I is considered in the article as the main factor of decline in the authority of the monarchy in Russia.

Keywords: the World War I, combatant, consciousness, crisis, monarchism.

References

1. Rybachjonok I.S. Vneshnjaja politika Rossii na rubezhe XIX-XX vv. [Foreign policy of Russia at terms of XIX-XX centuries], *Voprosy istorii,* 2014, №1, p. 5. (In Russ.)

2. Aksjonov V.B. Vojna i vlast' v massovom soznanii krest'jan v 1914–1917 gg.: arhetipy, sluhi, interpretacii [War and the power in mass consciousness of peasants in 1914–1917: archetypes, hearings, interpretations], *Rossijskaja istorija,* 2012, №4, p. 137. (In Russ.)

3. Holodov V.A. Pervaja mirovaja vojna v vosprijatii naselenija Orlovskoj gubernii (po dannym orlovskoj pressy) [The World War I in perception of the population of the Orel province (according to the Orel press)}, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Serija Gumanitarnye i social'nye nauki,* №3, Chast'1, Orel, 2010, p.p. 123–132. (In Russ.)

4. Holodov V.A. Pervaja mirovaja vojna v vosprijatii russkih soldat [The World War I in perception of the Russian soldiers}, *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk,* №1, Orel, 2014, p.p. 220–225. (In Russ.)

5. Shajpak L.A. Politicheskie partii Rossii i armija v gody Pervoj mirovoj vojny [Political parties of Russia and army in the World War I], Vlast', 2014, №4, p. 143. (In Russ.)

6. Nersesjanc V.S. Gegel' [Hegel], M.: Juridicheskaja literatura, 1979, p. 62. (In Russ.)

7. Aralova E.V. Sobornost' kak faktor duhovnoj kul'tury Rossii [Catholicity as a factor in the spiritual culture of Russia], *Vlast',* 2014, №7, p. 133. (In Russ.)

8. Izvol'skij A.P. Vospominanija [Memories], Mn., 2003, p. 9. (In Russ.)

9. Stolypin P.A. Mysli o Rossii [Thoughts of Russia], M., 2006, p. 64. (In Russ.)

10. Il'in I.A. Pochemu sokrushilsja v Rossii monarhicheskij stroj? [Why is monarchy crushed in Russia?] Il'in I.A. O grjadushhej Rossii, Izbrannye stat'I, M., 1991, p. 367. (In Russ.)

11. Zhil'jar P. Pri dvore Nikolaja II. Vospominanija nastavnika cesarevicha Alekseja At the reign of Nikolai II. Memories of Alexei], M., 2006, p. 70. (In Russ.)

12. Porshneva O.S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) [Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during World War I (1914–1918], dis. … doktora istoricheskih nauk. Ekaterinburg, 2000, p.p. 101–102. (In Russ.)

13. Sych A.I. O nekotoryh social'no-psihologicheskih posledstvijah Pervoj mirovoj vojny [About some social and psychological consequences of World War I], Voprosy istorii, 2001, №11–12, p. 109. (In Russ.)

14. Buldakov V.P. Ot vojny k revoljucii: rozhdenie «cheloveka s ruzh'em» [From war to revolution: the birth of «the person with a gun], *Revoljucija i chelovek. Byt, nravy, povedenie, moral',* M., 1997,p. 55. (In Russ.)

15. Prishvin M.M. Dnevniki. 1914–1917 [Diaries. 1914–1917], SPb., 2007, p. 135.

16.Golovin N.N. Voennye usilija Rossii v mirovoj vojne [Military efforts of Russia in World War], M., 2001, p.p. 72–83. (In Russ.)

17. Astashov A.B. Russkij krest'janin na frontah Pervoj mirovoj vojny [The Russian peasant on World War I fronts], *Otechestvennaja istorija,* 2003, №2, p. 73. (In Russ.)

18. Denikin A.I. Ocherki russkoj smuty: krushenie vlasti i armii. Fevral' – sentjabr' 1917 [Sketches of the Russian distemper: crash of the power and army. February – September], 1917Mn., 2003, p. 34. (In Russ.)

19. Lemke M.K. 250 dnej v carskoj stavke [250 days at an imperial rate], Mn., 2003, p. 5. (In Russ.)

20. Vrangel' P. Zapiski. Nojabr' 1916 g. – nojabr' 1920 g. [Notes. November, 1916 – November, 1920], T. 1: T. 1: Vospominanija. Memuary. Mn., 2003, p. 19. (In Russ.)

21. Chernobaev A.A., Chertishhev A.V. Dejstvujushhaja russkaja armija i vlast' v 1917 godu [The operating Russian army and the power in 1917], *Voenno-istoricheskij zhurnal,* 2006, №7, 46. (In Russ.)